

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Сохранение идентичности в глобальном мире

THEMATIC DOSSIER: Preserving Identity in a Global World

DOI: 10.22363/2313-0660-2024-24-4-497-507

EDN: LSRACH

Научная статья / Research article

Историческая политика Казахстана на пространстве южного пограничья России: идентичность, дискурс и коммеморация на примере Астраханской области

М.А. Волхонский , А.А. Ярлыкапов

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 itbal@mail.ru

Аннотация. Представлены результаты исследования особенностей реализации казахской исторической политики в пространстве российского пограничья. Методологию исследования составляют концепты символической памяти и «ландшафта памяти» пограничья. В 1991–2020 гг. власти Казахстана проводили в Астраханской области активную историческую политику, что выразилось в ряде коммеморативных акций, имевших общественный резонанс. Анализ эволюции казахского исторического дискурса в 1990–2020-е гг. позволил раскрыть многоплановое символическое содержание исторической политики властей Казахстана, спроецированной на российскую территорию. Ключевой акцией такой политики стало возведение в 2011 г. мавзолея Букей-хана в селе Малый Арал в Астраханской области. В ходе исследования было выявлено несколько символических целей акции: увековечивание памяти о Букей-хане как одном из ключевых героев казахского пантеона исторических личностей; скрытое символическое маркирование той части российской территории, где в XIX в. существовало Букеевское ханство, как казахской территории; символическое подтверждение правомерности передачи Казахской ССР в 1920-е гг. части земель, входивших в состав Букеевского ханства; укрепление казахской идентичности у казахов, граждан России, проживающих в Астраханской области; символическое переформатирование сакрального пространства ногайцев-карагашей, сформировавшегося вокруг могилы святого Сеид-Бабы, в казахское историко-политическое мемориальное пространство. «Казахизация» этого сакрального комплекса стала частью исторической политики, проводимой властями Казахстана в отношении российских ногайцев. История и культура ногайцев интересна казахстанским властям в контексте борьбы за золотоордынское наследие. Выявлено, что символическое «присвоение» ногайского историко-культурного наследия позволило бы закрыть хронологическую, пространственную и культурную брешь в историко-идеологическом конструкте «происхождения» Казахского ханства от Золотой Орды, поскольку именно Ногайская Орда являлась единственным прямым наследником Золотой Орды. Ногайцы также оставили после себя богатое литературное наследие в виде эпических сказаний, которые позднее получили широкое распространение среди казахов. С целью символического «присвоения»

© Волхонский М.А., Ярлыкапов А.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

ногайского наследия был создан миф о существовании в казахской истории особого периода, когда в Золотой Орде якобы существовала «ногайлинская» (от слова «ногайлы» — ногайский) этническая общность, которая позже распалась на ногайцев, казахов и каракалпаков. Доказано, что в настоящее время этот миф активно тиражируется в рамках проводимой казахстанскими властями исторической политики.

Ключевые слова: символическая политика, история, Букей-хан, Золотая Орда, Ногайская Орда

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Авторы внесли равнозначный вклад в разработку дизайна, проведение исследования и подготовку текста статьи.

Благодарности. Статья подготовлена при финансовой поддержке МГИМО МИД России в рамках проекта № 1921-01-01 «Социокультурный феномен пограничья на постсоветском пространстве: массовое сознание, этнокультурные и конфессиональные идентичности, социальные практики».

Для цитирования: Волхонский М. А., Ярлыкапов А. А. Историческая политика Казахстана на пространстве южного пограничья России: идентичность, дискурс и коммеморация на примере Астраханской области // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2024. Т. 24, № 4. С. 497–507. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-497-507>

Historical Policy of Kazakhstan in the Space of Russia's Southern Border: Identity, Discourse, Commemoration Using the Example of the Astrakhan Region

Mikhail A. Volkhonskiy , Akhmet A. Yarlykapov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

itbal@mail.ru

Abstract. The article presents the findings of a study examining the implementation of the Kazakh historical policy in the socio-cultural space of the southern Russian borderland. Methodology of the study is based on concepts of the symbolic politics and the commemorative landscape of the borderlands. In the period from 1991 to 2020, the Kazakh authorities conducted an active historical policy in the Astrakhan region, which was reflected in several commemorative actions that received a loud public response. The analysis of the evolution of the Kazakh historical discourse in the period from the 1990s to the 2020s made it possible to reveal the multifaceted symbolic content of the historical policy of the Kazakh authorities projected on the Russian territory. The most significant action undertaken as part of this policy was the construction of the Bukey Khan mausoleum in Maly Aral, Astrakhan region, in 2011. The study revealed a number of symbolic objectives associated with this action: perpetuating the memory of Bukey Khan as one of the key heroes of the Kazakh pantheon of historical figures; hidden symbolic marking of that part of the Russian territory where the Bukey Khanate existed in the 19th century as Kazakh territory; symbolic confirmation of the legitimacy of the transfer to the Kazakh Soviet Socialist Republic (SSR) in the 1920s of part of the lands that were part of the Bukey Khanate; strengthening of the Kazakh identity among Kazakhs, Russian citizens living in the Astrakhan region; symbolic reformatting of the sacred space of the Karagash-Nogai people, formed around the grave of Saint Seid Baba, into the Kazakh historical and political memorial space. The ‘Kazakhization’ of this sacral complex became part of the historical policy pursued by the Kazakh authorities, which targeted the Russian Nogais. The history and culture of the Nogai people were of interest to the Kazakh authorities in the context of the struggle for the Golden Horde heritage. The symbolic “appropriation” of the Nogai historical and cultural heritage would allow closing the chronological, spatial and cultural gap in the historical and ideological construct of the “origin” of the Kazakh Khanate from the Golden Horde, since it was the Nogai Horde that was the only direct heir of the Golden Horde. Nogais also left behind a rich literary heritage in the form of epic tales, which later became widespread among Kazakhs. For symbolic “appropriation” of the Nogai heritage, a myth was created about the existence of a special period in Kazakh history, when in the Golden Horde there was allegedly a “Nogailin” (from the word “Nogaily” — Nogaian) ethnic community, which later disintegrated into the Nogai, Kazakhs and Karakalpaks. Currently, this myth is being actively replicated within the framework of the historical policy pursued by the Kazakh authorities.

Key words: symbolic politics, history, Bukey Khan, Golden Horde, Nogai Horde

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. The authors made an equal contribution to the design, research and preparation of the final article's text.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the MGIMO University within the framework of project No. 1921-01-01 "The socio-cultural phenomenon of the borderland in the post-Soviet space: Mass consciousness, ethno-cultural and confessional identities, social practices."

For citation: Volkhonskiy, M. A., & Yarlykapov, A. A. (2024). Historical policy of Kazakhstan in the space of Russia's southern border: Identity, discourse, commemoration using the example of the Astrakhan region. *Vestnik RUDN. International Relations*, 24(4), 497–507. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2024-24-4-497-507>

Введение: концептуальные рамки исследования

Статья посвящена исследованию особенностей реализации властями Казахстана исторической политики на территории Астраханской области. Ключевыми в плане методологии для данного исследования являются такие концепты, как символическая политика (политика памяти и историческая политика) и «ландшафт памяти» пограничья. В отечественной науке стало общепринятым предложенное О.Ю. Малиновой определение символической политики как «публичной деятельности, связанной с производством различных способов интерпретации социальной реальности и борьбой за их доминирование» (Малинова, 2018, с. 30–31). Символическая политика, направленная в прошлое, определяется как «политика памяти», объектом воздействия которой является культурная память общества, представляющая собой подобранный по особой логике набор исторических событий, фигур и символов (Ассман, 2014, с. 20–21, 30–34). Историческая политика, по определению А.И. Миллера, предполагает «использование государственных административных и финансовых ресурсов в сфере истории и политики памяти в интересах правящей элиты» (Миллер, 2012, с. 19).

Характер исторической политики во многом зависит от того, в границах какого пространства она реализуется. В собственном государстве власти стремятся унифицировать в сознании населения культурную память о прошлом, создавая прочную основу для общей идентичности. Историческая политика, проецируемая на территорию другого государства, преследует прямо противоположные цели. Особый случай демонстрирует

историческая политика, реализуемая в пространстве пограничья, ключевым признаком которого является специфичный ландшафт памяти, представляющий собой комплекс историко-культурных артефактов, созданных представителями разных этносов, конфессий и культур, составляющих материальную основу исторических воспоминаний местного населения (Российское пограничье..., 2018, с. 27–28).

Артефакты, создающие ландшафт памяти пограничья, могут вызывать у разных групп местного населения как позитивную, так и негативную эмоциональную реакцию. Это вызывает у них стремление сделать ландшафт памяти более комфортным для себя, с одной стороны, путем удаления негативно оцениваемых артефактов, а с другой — увеличения количества положительно воспринимаемых артефактов (изменение топонимики, уничтожение старых и создание новых мемориалов, памятников, знаков и т. д.). Такие символические акции могут вызывать социальные конфликты между разными слоями местного населения пограничья.

Для пограничья характерна ситуация «наступления памятников на границы», то есть проецирования исторической политики государства на пограничную территорию государства-соседа (Российское пограничье..., 2018, с. 100–101). Целью является либо символическое маркирование территории соседнего государства как своей, либо воздействие на сознание определенных групп населения, граждан соседнего государства, которые рассматриваются как «свои». При этом в качестве ресурса используются историко-культурные артефакты ландшафта памяти пограничья.

Астраханская область является ярким примером подобного пограничья, на протяжении которого начиная с 1990-х гг. процедились исторические политики южных соседей России: Азербайджана, Грузии, Армении и Казахстана.

Исследование исторической политики властей Казахстана выстраивалось авторами статьи как поиск ответов на следующие вопросы:

— Какая акция является ключевой при реализации данной политики?

— Кто выступал в роли главного игрока?

— Какие аспекты прошлого и каким образом реконструируются?

— Какова мотивация и какие цели следует игрок?

— Как реагируют на акцию общество и другие игроки?

Источниками для данного исследования послужили научные монографии, статьи и публицистика авторов из Казахстана, позволяющие проанализировать казахский исторический дискурс, материалы СМИ, а также материалы полевых исследований (глубинные интервью).

Возведение мавзолея Букей-хана как акция казахстанской исторической политики

Начиная с 1992 г. власти Казахстана провели в Астраханской области несколько акций исторической политики, возведя несколько мемориальных объектов, связанных с именем талантливого казахского народного музыканта и композитора Курмангазы Сагырбаева. Эти акции не вызвали каких-либо конфликтов, поскольку его фигура положительно воспринималась как в Казахстане, так и в России (Астраханские казахи..., 2011, с. 206–229). Однако открытие 12 октября 2011 г. в селе Малый Арал Красноярского района Астраханской области мемориального комплекса — мавзолея Букей-хана — создало ситуацию символического конфликта.

Выбор властями Казахстана Букей-хана в качестве символической фигуры для проведения исторической политики на российской

территории являлся закономерным. По заявлению пресс-службы администрации Астраханской области, мавзолеем был возведен «по поручению президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева, считавшего Букей-хана выдающейся личностью»¹. Один из младших сыновей Нуралы-хана, Букей (Бокей), в 1798–1805 гг. возглавлял Ханский совет Младшего жуза. В феврале 1801 г. он обратился через командующего Кавказской линией генерал-лейтенанта К.Ф. Кнорринга к императору Павлу I с просьбой разрешить ему перекочевать с частью казахов Младшего жуза на свободные земли между р. Волга и р. Урал (Яик), занятые до 1771 г. заволжскими калмыками. Получив разрешение, в конце декабря 1801 г. Букей вместе с братом Шигаем и подвластными им семьями казахов (183 кибитки) переселился на новые земли. Вскоре за ним последовало еще около 5 тыс. кибиток казахов².

По мнению большинства российских историков, Букеевское ханство (Внутренняя Орда) никогда не было независимым государственным образованием. Нельзя рассматривать его и как продолжение Младшего жуза. Пользуясь в течение четырех десятилетий широкой внутренней автономией, оно всегда находилось в прямом административно-политическом подчинении российским властям. Территория, на которой образовалось ханство, являлась территорией Российской империи, а хан состоял на службе у императора. Историческая роль ханства заключалась в укреплении казахско-русских культурных и социально-экономических связей (Быков, 2002; Почекаев, 2011; Васильев, 2015; Семёнова, 2018; Сызранов, 2021).

Совершенно по-другому оценивается Букеевское ханство в современном казахском историческом дискурсе, где прежде всего

¹ В Астраханской области открыт мавзолеем казахского хана // Информационное агентство «Высота 102». 14.10.2011. URL: <https://v102.ru/news/29724.html?ysclid=la0tw0051t125814339> (дата обращения: 16.08.2023).

² История Букеевского ханства. 1801–1852 гг.: сборник документов и материалов / сост. Б. Т. Жанаев, В. А. Иночкин, С. Х. Сагнаева. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 28–31.

обращается внимание на роль Букей-хана в «сохранении казахской государственности». Так, А.Т. Абдулина пишет: «Таким образом, Бокей хан, получивший от Российской империи разрешение на ханство, способствовал более длительному сохранению института ханской власти на территории империи, нежели на территории подвластных казахских жузов, где ханская власть была упразднена к концу первой четверти XIX в. ... Благодаря образованию Внутренней Орды в советский период большая часть ее территории была включена в 1920 г. в состав Казахской ССР» (Абдулина, 2019, с. 504–505). В казахстанском школьном учебнике для восьмого класса читаем: «Создание Внутренней Орды, или Бокеевского ханства, сыграло огромную роль в истории казахского народа. Усилиями части казахов Младшего жуза удалось переселиться, закрепиться и позднее отстоять часть традиционных земель на правобережье Урала»³. Неудивительно, что на открытии мавзолея Букей-хана 12 октября 2011 г. посол Казахстана заявил: «Хан Бокей — основатель нового государственного образования, которое затем стало частью единого казахского государства. Образовав Бокеевскую Орду в междуречье Урала и Волги, он расширил границы государственных образований казахов. Этот мемориальный комплекс нужен не только нам, но и будущим поколениям, чтобы они знали свою историю»⁴.

Как создать казахстанскую нацию? Между концепцией гражданской нации и националистическим дискурсом

В акции казахстанских властей по строительству мавзолея Букей-хана поражает размер затраченных на него средств (около 17 млн руб.). Возведенный за один год 19-метровый мавзолей получил богатую

³ Кабульдинов З. Е., Кайыпбаева А. Т. История Казахстана (XVIII в. — 1914 г.): учебник для 8 класса общеобразовательной школы. Алматы: Атамура, 2012. С. 87.

⁴ Сулейменова Л. Воздвигнут мавзолей над могилой Бокей-хана // Ежедневная газета «Ак Жайык». 14.10.2011. URL: <https://azh.kz/ru/news/view/7556> (дата обращения: 16.08.2023).

отделку из дорогих стройматериалов⁵. Такие затраты должны были иметь глубокую мотивацию, истоки которой следует искать в особенностях современного казахского исторического дискурса.

После распада СССР перед властями независимого Казахстана возникла проблема создания новой версии истории страны, отличной от той, которая существовала в советский период. Ключевыми направлениями исторических исследований стали этногенез казахов и создание казахской государственности, в которых сразу обозначились следующие характерные черты: во-первых, продление истории казахов вглубь веков («казахизация» древних этносов и государств Центральной Азии); во-вторых, абсолютизация роли «внешних угроз» (например, джунгарской или российской), которые якобы являлись главным препятствием на пути развития казахского этноса и казахской государственности; в-третьих, крайне отрицательное отношение к периоду пребывания казахов в составе сначала Российской империи, а затем СССР (Сембинов, 2003, с. 188; Масанов, Абылхожин, Ерофеева, 2007, с. 154–156, 182–183, 198–200; Кундакбаева, 2009, с. 265).

Парадоксально, но в первые два десятилетия существования независимого Казахстана этот исторический дискурс явно входил в противоречие с официальной национальной политикой, проводившейся властями. В вышедшей в 1998 г. программной статье Н.А. Назарбаева «Хранить память, крепить согласие» было ясно выражено отношение властей к истории как инструменту, который призван помочь сохранить прежде всего единство народов, населяющих Казахстан (Сембинов, 2003, с. 182–183). Такая политика была обусловлена сложной этнодемографической ситуацией в Казахстане на момент распада СССР, где двумя основными этносами были казахи (6,5 млн человек) и русские (6,2 млн человек) (Смирнова, 2019, с. 210). Власти официально отказались от использования таких понятий, как «титulary нация» или «национальное меньшинство», делая

⁵ Там же.

акцент не на принципе этничности, а на принципе гражданственности (Кундакбаева, 2009, с. 267).

Однако политика властей Казахстана по формированию единой гражданской казахстанской нации ограничилась только употреблением в официальных речах соответствующей риторики, которая по-прежнему противоречила параллельно создававшемуся националистическому по содержанию казахскому историческому дискурсу. Об имитации процесса создания в Казахстане гражданской нации свидетельствовали многочисленные школьные и вузовские учебники, вышедшие в 2000-х гг.⁶, где прочно закрепились казахоцентричные мифы о глубочайшей древности казахского этноса, о «пятитысячелетней временной протяженности Казахского государства», об отрицательной роли как Российской империи, так и СССР в истории казахского народа и др. (Кундакбаева, 2009, с. 274, 277–278). Отметим, что при господстве подобного дискурса на страницах школьных и вузовских учебников невозможно было приступить к созданию единой гражданской нации. Достаточно указать на то, что русское население современного Казахстана, согласно этому дискурсу, получало неформальный статус потомков якобы «колонизаторов» и «угнетателей» казахского народа.

Тем не менее казахстанские власти не спешили отказаться от проекта строительства гражданской нации. В 2000-х гг. была предпринята попытка соединить идею гражданской нации с уже сформированным казахским историческим дискурсом. В апреле 2003 г. в Послании народу Казахстана президент Н.А. Назарбаев предложил реализовать среднесрочную программу «Культурное наследие» (Шелегина, Жетпысбаев, 2020, с. 283). Главной целью разработанной и утвержденной в 2004 г. программы объявлялось системное изучение культурного наследия народа Казахстана, а также воссоздание всех

значительных историко-культурных и архитектурных памятников, имеющих особое значение для национальной истории⁷. Заимствованная из работ известного французского историка Пьера Нора концепция культурно-исторического наследия, ключевым понятием которой являлось «место памяти» (Нора, 1999), должна была помочь создать прочное материальное основание для формирования казахстанской гражданской национальной идентичности. С 2004 по 2013 г. в рамках программы было проведено более 40 археологических и 26 научно-прикладных исследований, а также осуществлены реставрационные работы на 73 археологических и архитектурных памятниках⁸.

Однако в процессе реализации программы цель формирования единой гражданской казахстанской нации оказалась оттеснена на второй план задачей углубления исторических корней казахского этноса. В программе не проводилось четкого различения находящихся на территории Казахстана памятников всемирного наследия и памятников этнической истории казахов. В июне 2008 г. президент Н.А. Назарбаев заявил, что именно Казахстан является «колыбелью Великой степной цивилизации», что в рамках программы должны быть отреставрированы «золотые сокровища» государственности Казахстана — «Иссыкские курганы, Берель, Туркестан и Отрар, Улытау и Сарайчик», которые должны стать национальными символами⁹. Из выступления следовало, что

⁷ Послание Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева народу Казахстана. Апрель 2003 г. // Официальный сайт Президента Республики Казахстан. URL: https://www.akorda.kz/ru/addresses/addresses_of_president/poslanie-prezidenta-respubliki-kazakhstan-n-a-nazarbaeva-narodu-kazakhstan-a-aprel-2003-g_1342416495 (дата обращения: 16.08.2023).

⁸ Караманова М. С. Государственная программа «Культурное наследие» Казахстана: этапы ее реализации и значение // Qazaqstan tarihy. 01.10.2013. URL: <https://e-history.kz/ru/first-president/show/12378> (дата обращения: 16.08.2023).

⁹ Программа «Культурное наследие». Н. Назарбаев поставил задачу ускорить сбор исторических данных о древних казахах // ЦентрАзия. 14.06.2008. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1213427220&ysclid=ljy2jkyg1p384215801> (дата обращения: 16.08.2023).

⁶ Волкова Т. П. Как учат толерантности казахстанские учебники // Россия и соотечественники (Russkie.org). 11.01.2008. URL: <https://russkie.org/articles/kak-uchat-tolerantnosti-kazahskie-uchebniki-istorii/?ysclid=ljwrzq2lt6335350890> (дата обращения: 16.08.2023).

главной целью программы являлось маркирование в качестве исключительно «казахского наследия» той части всемирного наследия, которая включает в себя артефакты культур древних и средневековых кочевников Евразии, или артефактов древней и средневековой городской цивилизации Центральной Азии.

Другой задачей программы являлось восстановление наследия, связанного непосредственно с историей Казахского ханства. В июне 2008 г. президент Н.А. Назарбаев заявил: «В советскую эпоху власть, старавшаяся вытравить память об исторических корнях казахского народа, уничтожила мавзолеи и захоронения ханов Есима, Тауке, Жангира, батыров Богенбая, Жанибека, Жаугаша и Койгелды, бия Казыбека. Наша священная обязанность — восстановить и отреставрировать эти захоронения»¹⁰. Очевидно, что дорогостоящее строительство в 2010–2011 гг. мавзолея Букей-хана являлось логичным продолжением реализации программы «Культурное наследие» по созданию пантеона казахских исторических героев.

В 2018 г. вышла новая программная статья президента Н.А. Назарбаева «Семь граней Великой степи», которая придала казахскому националистическому историческому дискурсу официальный характер¹¹. Во вводной части статьи была одобрена формула националистической примордиалистской телеологии, согласно которой, во-первых, казахи объявлялись существовавшими всегда, с незапамятных времен (в виде саков, гуннов, кипчаков и т. д.); во-вторых, «закономерным итогом» и «главной целью» всех исторических процессов, протекавших на территории современного Казахстана с незапамятных времен, объявлялось создание Казахстана (все

древние и средневековые кочевые государства таким образом выстраивались в прямую генеалогическую линию, которая «объективно» вела к современной казахской государственности); в-третьих, все культурные и технологические достижения этносов и государств, когда-либо существовавших на территории современного Казахстана, объявлялись достижениями казахов.

Однако реальная история не укладывается в прямолинейные идеологические схемы. Сразу возникают разного рода коллизии, когда, например, часть населения государства не вписывается в реконструируемую картину происхождения этноса/нации/государства или современные государственные границы не совпадают с границами древних государств-предшественников, либо за пределами современного государства оказываются значительные группы этнически родственного населения. Именно такие коллизии провоцируют власти государств, взявших на вооружение националистический дискурс, не только на активизацию исторической политики внутри собственного государства, но также на ее проецирование на территории соседних государств.

Тем не менее казахстанские власти по-прежнему пытались соединить концепцию гражданской нации с казахским уже официальным националистическим историческим дискурсом. Несмотря на значительный отток русского населения, Казахстан все еще оставался полиэтничным государственным образованием. В интервью 2019 г. казахстанский политолог Тимур Козырев так обрисовал ситуацию: «Несмотря на все достигнутые Казахстаном впечатляющие успехи, у нас по сей день остается актуальным различие между понятием „казахское“ и „казахстанское“. И на этом различии порой спекулируют нехорошие люди. В аспекте исторического сознания оно проявляется в том, что реально как „общая история для всех казахстанцев“ по сей день воспринимается только советский период. Однако мы уже давно не советские люди, и этого явно недостаточно. Казахское ханство — да, все признают и уважают, но...

¹⁰ Программа «Культурное наследие». Н. Назарбаев поставил задачу ускорить сбор исторических данных о древних казахах // ЦентрАзия. 14.06.2008. URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1213427220&ysclid=ly2jkyg1p384215801> (дата обращения: 16.08.2023).

¹¹ Назарбаев Н. А. Семь граней Великой степи // Казахстанская правда. 21.11.2018. URL: <http://elibrary.kstu.kz/fulltext/temat/Sem%60%20graney%20Velikoy%20stepi.pdf> (дата обращения: 16.08.2023).

эта тема интересна главным образом этническим казахам»¹².

В итоге в качестве «истока» казахстанской государственности и нации власти в 2019 г. выбрали период существования государства Золотая Орда, поскольку якобы именно «золотоордынское наследие» является объединяющим началом для всех народов Казахстана, как тюркских, так и славянских¹³. При этом в данной схеме наблюдалась масса противоречий. Вызывало сомнение утверждение о близости золотоордынского наследия русскому населению. Кроме того, ни границы Казахского ханства, ни границы современного Казахстана не включали в себя территорию исторического ядра Золотой Орды. Кроме того, между периодами их существования наблюдался хронологический разрыв.

Символические цели строительства мавзолея Букей-хана

Возвращаясь к анализу причин возведения мавзолея Букей-хана, отметим, что в контексте описанного формирования казахского исторического дискурса в данной акции просматривается несколько символических целей. В первую очередь, возведение мавзолея объективировало, материально закрепляло казахскую концепцию истории Букеевского ханства, в которой утверждается, что оно являлось частью «единого казахского государства». Мемориал фактически отрицает российскую, исторически более адекватную оценку ханства (Внутренней Орды) как уникального административно-политического и социально-культурного проекта российской государственности, целью которого являлось создание оптимальных условий для мирного, плодотворного проживания казахов на территории Астраханской губернии бок о бок с русскими, ногайцами и другими народами.

¹² Золотая Орда — золотая колыбель: истоки казахской государственности и современность // МИА «Казинформ». 04.09.2019. URL: https://www.inform.kz/ru/zolotaya-orda-zolotaya-kolybel-istoki-kazahskoy-gosudartvennosti-i-sovremennost_a3562397 (дата обращения: 16.08.2023).

¹³ Там же.

Мемориал также должен был не только подтвердить историческую правомерность передачи в 1920 г. в состав Казахской ССР части территории бывшего Букеевского ханства, но также сделать символическую заявку на право обладать оставшейся в составе России частью его территории. В конце 2010-х гг. особое значение стало придаваться тому факту, что Букеевское ханство было создано в XIX в. там, где когда-то располагался центр Золотой Орды. Таким образом, возведение мавзолея являлось символическим маркированием части российской территории как казахской.

Акция также преследовала цель воздействовать на идентичность казахов — граждан России, проживающих на территории Астраханской области. В данном случае речь не шла об обычной для любого государства политике покровительства диаспорам соотечественников, проживающих на территории другого государства. Еще в конце XIX в. известный исследователь А.Н. Харузин отмечал существенные культурные, бытовые и ментальные отличия казахов Букеевской орды от их родственников, продолжавших кочевать за р. Урал (Харузин, 1889, с. 20). Можно утверждать, что казахи Астраханской области, потомки «букеевских казахов», являются не частью казахской диаспоры, а особой этнической группой. Поэтому вполне понятны усилия властей Казахстана, направленные, по сути, на ослабление у данной группы российской и усиление в противовес ей казахской идентичности.

Возведение мавзолея Букей-хана имело еще одного символического адресата — ногайцев Астраханской области. До возведения мавзолея в 2011 г. еще с первой половины XIX в. около села Малый Арал уже существовало мемориальное и сакральное пространство, центром и доминантой которого являлась могила мусульманского святого Сеид-Бабы (Саид бин Кулвай Саид Гали, ок. 1741–1812 гг.), известного своей ученостью и способностью исцелять людей от болезней. Сеид-Баба происходил из астраханского села Хожетаевка, где проживали ногайцы-карагаши. После распада Золотой Орды земли между Уралом и Волгой принадлежали

Ногайской Орде, а с 1630-х гг. и до 1771 г. — Калмыцкому ханству. Ногайцы-карагаши, продолжавшие проживать на этих землях в течение всего этого периода, приняли активное участие в устройстве Букеевского ханства. Среди приближенных к Букей-хану ногайцев был и Сеид-Баба, которого хан очень ценил за образованность (Сеид-Баба именовался *муришдом* (суфийским наставником)) и искусство лекаря. Поэтому хан завещал похоронить себя не рядом с Ханской ставкой, а рядом с могилой Сеид-Бабы, своего наставника и личного врача. Два столетия именно могила святого Сеид-Бабы служила объектом глубокого почитания со стороны многочисленных паломников (Сызранов, 2008, с. 32). Что касается могилы Букей-хана, то она находилась на периферии этого сакрального пространства.

Возведенный в 2011 г. мавзолеем Букей-хана изменил это пространство до неузнаваемости. Если раньше его центром и доминантой являлся скромный, но изящный мавзолей святого Сеид-Бабы, то теперь им стал огромный 19-метровый мавзолей хана. Соответственно изменился и характер пространства, которое из религиозного превратилось в светское, историко-политическое. Изменилась и его этническая принадлежность. Раньше вокруг могилы святого располагалось древнее кладбище ногайцев-карагашей (Ишмухамбетов, 2013), но при строительстве мавзолея, по свидетельствам местных жителей, кладбище было варварски уничтожено¹⁴. В итоге произошла «казахизация» ранее существовавшего здесь ногайского сакрального пространства. В мае 2021 г. посетители комплекса в интервью авторам рассказали, что после строительства мавзолея к этому месту возрос интерес разнообразных казахских националистических групп, среди которых стали активно распространяться слухи о том, что здесь помимо Букей-хана и его жены также находились захоронения других казахских исторических деятелей¹⁵.

¹⁴ Полевые материалы авторов (далее — ПМА). Интервью с И. Абуали 30.05.2021 г. в г. Астрахань.

¹⁵ ПМА. Интервью со зрителем комплекса «Сеид-Баба и Букей-хан» 31.05.2021 г. в с. Малый Арал.

«Казахизация» сакрального для ногайцев-карагашей пространства вокруг могилы святого Сеид-Бабы вполне вписывается в историческую политику, в последнее время проводимую властями Казахстана в отношении российских ногайцев, которые им интересны в контексте борьбы за золотоордынское наследие. Символическое «присвоение» истории и культуры ногайцев позволяет закрыть хронологическую, пространственную и культурную брешь в историко-идеологическом конструкте «происхождения» Казахского ханства от Золотой Орды. Имея собственную династию, основанную золотоордынским беклярибеком Едигеем, а также занимая центральную часть золотоордынской территории в междуречье р. Урала и р. Волги, Ногайская Орда в первой половине XV — первой половине XVII вв. являлась единственным прямым наследником Золотой Орды. Ногайцы также оставили после себя богатое литературное наследие в виде эпических сказаний, которые позднее получили широкое распространение среди казахов.

В итоге был создан миф о существовании в казахской истории «ногайлинского» (от слова «ногайлы» — ногайский) периода, когда в Золотой Орде якобы существовала «ногайлинская» общность, которая позже распалась на ногайцев, казахов и каракалпаков¹⁶. Отсюда делался вывод, что ногайцы и казахи — это единый, но разделенный народ (Заргишиев, 2020). Этот миф стал активно продвигаться в рамках казахстанской исторической политики. Так, летом 2018 г. Н.А. Назарбаев сделал в Казани заявление, что казанская царица Сююмбике имела казахские корни, поскольку являлась потомком золотоордынского беклярибека Едигея¹⁷. Одновременно в казахстанских СМИ стали появляться публикации

¹⁶ Ни один исторический источник, касающийся Золотой Орды и постордынских государств, не фиксирует существования такого народа. Все построения о народе «ногайлы» взяты из фольклорных произведений, в которых этот термин используется для создания былинного образа народа «золотого века».

¹⁷ Нурсултан Назарбаев в КФУ объявил, что царица Сююмбике имеет казахские корни // Бизнес Online. 15.06.2018. URL: <https://www.business-gazeta.ru/news/385599> (дата обращения: 16.08.2023).

о том, что могила Едигея расположена именно на казахстанской территории¹⁸. Начали издаваться сборники документов по истории Казахстана, куда стали включать массу исторических материалов, относящихся к истории Ногайской Орды и других средневековых политических образований ногайцев¹⁹.

¹⁸ См.: Гафиятуллина И. Пик Едыге и Улытау: удивительные сакральные места Казахстана. Часть 1 // Группа стратегического видения «Россия — Исламский мир». 27.03.2019. URL: <https://russia-islworld.ru/in-world/sakralnye-mesta-kazahstana-cast-1/> (дата обращения: 16.08.2023); Гербер В. Властитель Золотой Орды похоронен в Актиубинской области? // Экспресс К. 23.11.2018. URL: <https://web.archive.org/web/20220410031336/https://exk.kz/news/36623/vlastitel-zolotoi-ordy-pokhoronien-v-aktiubinskoi-oblasti> (дата обращения: 16.08.2023).

¹⁹ История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков : в 10 т. Т. 1 : Посольские материалы

Заключение

Анализ символической акции по возведению в Астраханской области в 2011 г. властями Казахстана мавзолея Букей-хана позволил выявить как мотивационную составляющую проецирования казахстанской исторической политики на российскую территорию, так и конкретные символические цели, которые преследовала эта акция. Мотивы и цели политики оказались обусловлены особенностями развития в последние 20 лет официального казахского исторического дискурса.

Русского государства (XV–XVII вв.) / сост. А. Исина. Алматы : Дайк-Пресс, 2005. С. 126, 496, 619.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 27.01.2024
Принята к публикации / Accepted: 15.10.2024

Библиографический список

- Абдулина А. Т. К вопросу о значении Бокей хана в истории казахского народа // Мир Большого Алтая. 2019. Т. 5, № 4. С. 491–508. EDN: RNMOXW
- Ассман А. Длинная тень прошлого. Мемориальная культура и историческая политика. Москва : Новое литературное обозрение, 2014.
- Астраханские казахи: на рубеже веков. К 20-летию Астраханского общества казахской культуры «Жолдас-тык» / отв. ред. Н. И. Куликова. Элиста : ЗАОР «НПП „Джангар“», 2011.
- Быков А. Ю. Административно-территориальные реформы в Букеевской орде (первая половина XIX в.) // Актуальные вопросы истории Сибири. Третьи научные чтения памяти профессора А. П. Бородавкина : материалы Всероссийской конференции / под ред. Ю. Ф. Кирюшина, В. А. Скубневского. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2002. С. 414–420.
- Васильев Д. В. Организация управления Внутренней казахской ордой в первой половине XIX вв. // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2015. № 4. С. 76–85. <https://doi.org/10.18384/2310-676X-2015-4-76-85>; EDN: UMXGGH
- Заргишиев М. Р. Ногайлы. Белый сокол Золотой Орды. Москва : б/и, 2020.
- Ишимхамбетов Р. В. К описанию шежере «Сеит-Баба и его потомки», изданной в типографии Абдрахмана Умерова // Ногаеведческий сборник : сборник научных статей. Вып. 2. Материалы «Джанибековских чтений» / отв. ред. А. В. Сызранов. Астрахань : Color, 2013. С. 57–59.
- Кундакбаева Ж. В поисках исторического нарратива Казахстана: «диалог памяти» или «национальная память» // Национальные истории на постсоветском пространстве — II / под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. Москва : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XXI, 2009. С. 265–295. EDN: ZAZCWD
- Малинова О. Ю. Политика памяти как область символической политики // Методологические вопросы изучения политики памяти : сборник научных трудов / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. Москва, Санкт-Петербург : Нестор-История, 2018. С. 27–53. EDN: YNCLNJ
- Масанов Н. Э., Абылхожин Ж. Б., Ерофеева И. В. Научное знание и мифотворчество в современной историографии Казахстана. Алматы : Дайк-Пресс, 2007. EDN: QPJRZH
- Миллер А. И. Историческая политика в Восточной Европе начала XXI в. // Историческая политика в XXI веке / под ред. А. И. Миллера, М. Липмана. Москва : Новое литературное обозрение, 2012. С. 7–32.

- Нора П.* Между памятью и историей. Проблематика мест памяти // Нора П., Озуф М., де Пюимеж Ж., Винок М. Франция-память. Санкт-Петербург : Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17–50.
- Почекаев Р. Ю.* «Маргинальные» государства на пост-ордынском пространстве: чингизидское и российское влияние на государственно-правовое устройство Касимовского и Букеевского ханств // Средневековые тюрко-татарские государства. 2011. № 3. С. 112–127. EDN: TEDXKZ
- Российское пограничье: вызовы соседства / под ред. В. А. Колосова. Москва : ИП Матушкина И.И., 2018. EDN: HMTFQP
- Сембинов М.* Становление национальной истории Казахстана // Национальные истории в советском и постсоветском государствах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. Москва : Фонд Фридриха Науманна, АИРО-XX, 2003. С. 176–191. EDN: XWLXTB
- Семёнова Н. Л.* Правительственная политика в Оренбургском крае в конце XVIII — первой половине XIX в. // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 7–22. EDN: YQEUQP
- Смирнова Т. Б.* Этнические миграции и этнический состав населения государств постсоветской Центральной Азии // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2019. № 2. С. 209–213. <https://doi.org/10.25513/2312-1300.2019.2.209-213>; EDN: JNYPLE
- Сызранов А. В.* Образование Букеевской орды (историография вопроса) // Вопросы истории Сибири : сборник научных статей IV Международной научной конференции. Вып. 17. / отв. ред. М. К. Чуркин. Омск : Изд-во ОмГПУ, 2021. С. 130–136. EDN: VIUMZA
- Сызранов А. В.* Суфизм и суфии в Нижнем Поволжье // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2008. № 3. С. 27–38. EDN: ISDGMR
- Харузин А.* Киргизы Букеевской орды (антрополого-этнологический очерк). Вып. 1. Москва : Типография А. Левинсон и К., 1889.
- Шелегина О. Н., Жетпысбаев С. К.* Международное значение государственной программы Республики Казахстан «Культурное наследие» // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 279–292. <https://doi.org/10.17223/22220836/40/26>; EDN: MVNIXA

Сведения об авторах:

Волхонский Михаил Алексеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и внешней политики России, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 7994-9232; ORCID: 0000-0001-6189-734X; e-mail: volhonskyma@yandex.ru

Ярлыкапов Ахмет Аминович — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института международных исследований, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 9173-6586; ORCID: 0000-0001-5173-0909; e-mail: itbal@mail.ru